

ЙОСИП УЖАРЕВИЧ
(Загреб, Хорватия)

Взрыв и время

Аннотация: В статье рассматривается соотношение взрыва и времени в последних книгах Юрия Лотмана. Композиция работы основана на двух исходных ракурсах: один в центр внимания ставит *время во взрыве* (настоящее время), а второй – *взрыв во времени* (прошедшее и будущее время, история). Современная теория не в состоянии логически связать сам взрыв с фазой, непосредственно предшествующей взрыву, а также с фазой, которая следует сразу после взрыва.

Ключевые слова: взрыв, время, настоящее время, история, будущее

1. Идея взрыва

Идею взрыва Лотман в основном разрабатывал в двух последних своих книгах, вышедших уже после его смерти: «Культура и взрыв» (1992) и «Непредсказуемые механизмы культуры» (2010). Борис Егоров утверждает, что «категория взрыва – главное увлечение, главный интерес позднего Ю. М.» (ЕГОРОВ 2010: 209). В данной статье я попытаюсь реконструировать эту идею с точки зрения ее соотношения с проблематикой времени. При этом не надо забывать, что «взрывные» идеи имелись уже у Гегеля (квантитативные и качественные изменения), позже – и у других авторов, напр., у Томаса Куна (смена «нормальной науки» и научных «революций») или Ильи Пригожина («равновесный мир» и «мир неравновесия»)¹. Но и в более ранних работах самого Лотмана нетрудно узнать

¹ Ссылаясь на Гегеля, Лотман более важным считает Витгенштейна и Пригожина: «Еще Гегель различал, как известно, изменения количественные и качественные, указывая, что первые имеют плавный характер, а вторые совершаются скачками. Но для нас важнее тезис Л. Витгенштейна о том, что в пределах логики нельзя описать ничего нового. Эта глубокая мысль разделяет динамические процессы на 'совершающиеся в пределах логики' – предсказуемые и не создающие принципиально нового – и те, которые строгая логика определяет как 'неправильные'. Именно эти последние и генерируют все принципиально новое. [...] Симметричными ('равновесными' в терминологии И. Пригожина) мы будем называть процессы, которые, будучи запущенными в противоположном направлении, возвращают нас к исходной точке. Процессы же, которые при обратном движении или, совершив полный цикл кругового движения, к исходной точке не возвращаются, мы будем называть асимметричными ('неравновесными')» (ЛОТМАН 2010: 143). Отметим также, что сюда примыкают и некоторые термины

концепты поздних его работ, напр., в трактовке несовместимости в художественных текстах (см. UŽAREVIĆ 1984).

Динамику культуры Лотман определяет, с одной стороны, внутренними (имманентными) и внешними факторами (влияниями), а с другой – сменой постепенных и взрывных процессов: «Обе эти тенденции реализуются во взаимном напряжении, от которого они не могут быть абстрагированы без искажения самой их сущности» (ЛОТМАН 1992: 205, 212). Кроме того, границы замкнутого мира семиозиса все время пересекаются с внесемиотической реальностью, и этот обмен образует неисчерпаемый резервуар динамики (ЛОТМАН 1992: 178).

Уподобляя историко-культурную смену постепенных процессов и состояний взрыва колебаниям маятника, Лотман состояние взрыва характеризует как «момент отождествления всех противоположностей. Различное предстает как одно и то же. Это делает возможным неожиданные перемены в совершенно иные, непредсказуемые структуры организации. Невозможное делается возможным. Этот момент переживается как выключенный из времени, даже если в реальности он протягивается в очень больших временных отрезках. [...] Момент этот завершается переключением в состояние постепенного движения. То, что объединялось в одном интегрированном целом, рассыпается на различные (противоположные) элементы. Хотя фактически никакого выбора не было (он был заменен случайностью), ретроспективно прошедшее переживается как выбор и целенаправленное действие. В дело вступают законы процессов постепенного развития» (ЛОТМАН 1992: 245–246).

В процитированном отрывке намечаются два взгляда на взрыв – внутренний и внешний. Внутренний взгляд (аспект) указывает на «взрыв в себе», на его «имманентные» характеристики, а внешний взгляд (аспект) рассматривает взрыв в контексте культурной, научной, общественной истории. При описании взрыва первая точка зрения активизирует понятия типа «уникальность», «отождествление всех противоположностей», «бесконечная информативность», «свобода», «неопределенность», «вневременность», а вторая – «линейность», «непредсказуемость», «случайность», «новизна» («новая реальность»).

2. Взрыв – фактор динамики культуры

Как мы уже отметили, осмысление категории взрыва связано у Лотмана с динамикой культуры, т. е. с ее движением, изменением, развитием. При этом взрыв понимается в первую очередь как явление, относящееся к *культурному времени (истории)*, а не только и не столько к *культурному про-*

«диалектического материализма» – «эволюция» и «революция», «скачок», уже упоминаемый «закон перехода количества в качество (и наоборот)», и др. (ср. РОЗЕНТАЛЬ 1972: 311, 468; СПИРКИН 1983: 488).

странству. Между двумя крайними формами культурной динамики – постепенным развитием и взрывами – помещаются промежуточные формы: циркульное движение, пульсирующее движение и др. (ЛОТМАН 1992: 213–214). Подразумевается, что в истории разные типы подобных процессов «переплетаются и действуют друг на друга, то ускоряя, то замедляя общее движение» (ЛОТМАН 1992: 218).² Хотя и в других местах повторяется мысль о тесной связи указанных тенденций (взрывами обеспечивается *новаторство*, а постепенными процессами *преemptивность*; 1992: 26), Лотман, тем не менее, постепенному и круговому движению предпочитает взрывы и все, что с ними связано: новизну (создание новой информации), творчество, свободу, линейность (а не цикличность), открытость, непредсказуемость. Для него предсказуемое развитие представляется значительно менее существенной формой движения, чем изменения в порядке взрыва (ЛОТМАН 1992: 17). Аргумент, который Лотман при этом использует, не кажется слишком убедительным: он считает, что специфическая черта человеческого коллектива – это «замена циклического движения направленным» (ЛОТМАН 2010: 58).

3. Взрыв в себе. Настоящее время

Логической и реальной основой не только взрывных процессов, но и любых событий, является настоящее время (презент). Дело в том, что только настоящее время следует считать «реальным» в полном значении этого слова, поскольку прошедшее время уже «ушло», а будущего времени «еще нет». Поэтому особенно важной (и интересной) кажется попытка реконструировать лотмановский взгляд на взрыв изнутри – с аспекта его имманентной структуры.

Лотман тесно связывал (и даже отождествлял) взрыв с настоящим временем, поскольку в настоящем потенциально «содержатся все возможности, которые могут совершиться. [...] Взрывные процессы представляют собой реализацию одной из пучка вероятных возможностей. Момент подобной реализации есть вместе с тем и момент исчерпывания неопределенности: на следующем витке событий опять подключается механизм их ретроспективной интерпретации в терминах причинно-следственных связей. – Неисчерпаемость возможностей в момент взрыва придает процессу бесконечную информативность – он не может быть предсказуем» (ЛОТМАН 2010: 48). В цитированном фрагменте следует обратить внимание

² На основе лотмановских наблюдений можно построить следующую схему (иерархию?) типов культурной динамики: стабильность (статика) → циклическое движение (псевдодвижение) → пульсирующее развитие → линейное постепенное движение → линейное взрывное движение (ср. ЛОТМАН 2010: 152; см. и ЛОТМАН 1992: 213–214).

на выражения типа «пучок возможностей», «неисчерпаемость возможностей», «момент реализации», «исчерпывание неопределенности», «бесконечная информативность», «непредсказуемость». Они, как мне представляется, указывают на ряд трудных мест, нуждающихся в дальнейшей разработке. Во-первых, не совсем понятно отношение «пучка возможностей» («пучок» указывает на *ограниченное число возможностей*) и «неисчерпаемости возможностей» (т. е. *неограниченное число возможностей*). Во-вторых, не понятно, почему «неисчерпаемые возможности» взрыва сводятся после окончания взрыва к реализации только «одной из пучка возможностей»? Какая сила препятствует реализации двух, трех или более возможностей, если все они изначально равновероятны? Третий вопрос касается, с одной стороны, «бесконечной информативности», характерной для взрыва, а с другой – предполагаемой «скудной информативности» (или даже не-информативности), характерной для поступательных, пост-взрывных процессов. Проблема эта связана с пониманием «информации» и «информативности». Если информацию определить как «способность данного (сведения) редуцировать неопределенность в системе» (Булчу Ласло), то так понятая информация не соизмерима с «бесконечной информативностью» взрыва. Дело в том, что информативность взрыва – другого порядка, она скорее сопоставима с хаосом, и никоим образом не связана с требованиями и целями обычной коммуникации (см. УЖАРЕВИЧ 2016: 12–13).

Переход от настоящего к будущему «не определяется ни законами причинности, ни вероятностью – в момент взрыва эти механизмы полностью отключаются. Выбор будущего реализуется как случайность. Поэтому он обладает очень высокой степенью информативности. Одновременно момент выбора есть и отсечение тех путей, которым суждено так и остаться лишь потенциально возможными, и момент, когда законы причинно-следственных связей вновь вступают в свою силу» (ЛОТМАН 1992: 28). И здесь возникают те же вопросы. Как мы можем быть уверены в том, что в момент взрыва все возможности равноправны и что только одна из них, чтобы стать «реальной», выбирается совершенно случайно? Лотман утверждает, что «критерий, позволяющий определить процесс как взрывной, [...] заключается в принципиальной непредсказуемости событий. Реализованные и нереализованные события в момент взрыва – варианты, и легко могут заменять друг друга» (ЛОТМАН 2010: 163). Мне более убедительным кажется предположение Б. Ф. Егорова, что «равновероятность почти всегда маловероятна! Чаще всего среди возможностей возникает более сильная» (ЕГОРОВ 2010: 213; см. также УЖАРЕВИЧ 2016: 12–13). Снова касаясь «высокой информативности» взрыва, могу только добавить, что информативность такого рода похожа на начальную ситуацию создания Космоса (сингулярность, Великий взрыв), когда совокупное огромное пространство будущего (настоящего) Универсума было сжато в

бесконечно уплотненную и бесконечно жаркую точку, т. е. когда еще не было ни пространства, ни времени. В определенном смысле ситуацию «создания мира» воспроизводит художественное творчество, особенно в тех случаях, когда оно создает первоклассные артефакты – «конечные модели бесконечного мира».

Неудивительно поэтому, что взрыв изнутри характеризуется как «выключенный (вырванный) из времени» (ЛОТМАН 1992: 245; 2010: 48), как момент, в котором происходит «отождествление всех противоположностей» и «различное предстает как одно и то же», а «невозможное делается возможным». Выходит, что взрыв – это своего рода прото-время, прото-пространство, прото-мир. Выражаясь языком современной космологии, взрывы – это своеобразные черные дыры,двигающие разными формациями (фазами, эпохами) общественно-культурной истории...

4. Взрыв в истории. Активизация сознания и памяти

Не менее сложной оказывается попытка понять взрыв как часть временной канвы, состоящей из трех временных модусов (измерений) – прошлого (того, что предшествовало взрыву), самого взрыва (происходящего в настоящем) и будущего (того, что следует за взрывом). С этим тесно связана проблематика предсказуемости и непредсказуемости событий в каждой из рассматриваемых фаз, т. е. предсказуемость процессов до взрыва, непредсказуемость взрыва, предсказуемость процессов после взрыва. Я уже в другой своей работе отмечал, что современная теория не в состоянии удовлетворительным образом объяснить ни звено, которое соединяет взрыв с предшествующим ему моментом, ни звено, непосредственно следующее за взрывом. Здесь, повторяю, намечается глубинное сходство лотмановского взрыва с космологической трактовкой Большого взрыва (УЖАРЕВИЧ 2016: 12).

4.1. Ретроспективный ум историка

Регулярная смена постепенных и взрывных эпох заставляет рассмотреть взаимную их связь в рамках историко-культурных процессов, понимаемых как сложные целостные временные формации.

Когда речь идет о соотношении совершившегося события и временных модусов, Лотман различает две точки зрения: ретроспективный взгляд из будущего в прошлое и взгляд из прошлого в будущее. При этом разные точки зрения решительным образом меняют наблюдаемый объект: «Глядя из прошлого в будущее, мы видим настоящее как набор целого ряда равновероятных возможностей. Когда мы глядим в прошлое, реальное для нас обретает статус факта и мы склонны видеть в нем нечто единственно возможное. Нереализованные возможности превращаются для нас в такие, какие фатально не могли быть реализованы. Они приобретают эфе-

мерность» (ЛОТМАН 1992: 194–195). Из процитированного отрывка все же кажется очевидным, что меняется не самый *объект познания*, а *наш взгляд* на познаваемый объект. На это, по крайней мере, указывает форсированное употребление личных местоимений в вышеприведенной цитате: «когда *мы* *глядим*», «*мы* *видим*», «реальное *для нас* приобретает статус факта», «*мы* *склонны видеть* в нем», «превращаются *для нас*».

История, так же, как и само время, понимается Лотманом как нечто необратимое, линейное, направленное «вперед» («стрела времени», «река времен»). В связи с этим Вяч. Вс. Иванов утверждает, что Лотмана «в истории и движении культуры занимали прежде всего такие процессы, при которых происходит максимальное увеличение количества информации. Отсюда – прямое объяснение непредсказуемости процесса, описываемого как взрыв» (ИВАНОВ 2010: 13). Именно взрывы обеспечивают линейность развития: они всегда являются началом нового этапа, предавая забвению все, что было (ЛОТМАН 1992: 34). Новизна же предполагает непредсказуемость: «Возникновение подлинно нового всегда включает в себя момент непредсказуемости. [...] Создание нового в действительности связано с преодолением сопротивления реально сложившегося традиционного» (ЛОТМАН 2010: 152).

Но дело осложняется тем, что в «естественную» схему временных отношений (старое → взрыв → новое) включаются, уже после того, как взрыв произошел, «неестественные» (вторичные) историографические категории *сознания* и *памяти*.³ Дело в том, что после взрыва включаются «механизмы самосознания», которые переносятся обратно, в момент, предшествующий взрыву, и при этом «реально протекающий процесс заменяется его моделью, порожденной сознанием участника акта» (ЛОТМАН 1992: 33). Результатом маневра *ретроспективной трансформации* является своеобразная фальсификация реальности, поскольку происшедшее провозглашается единственно реальным и неизбежным, не совершившееся – невозможным, а случайное – неизбежным. Кроме того, историк, по Лотману, из понятия «взрыв» исключает момент «информативности», подменяя его «фатализмом». (Отметим еще раз, что «информативность взрыва», несмотря на то, признает ли ее историк или не признает, не может помочь ему справиться даже с непосредственным будущим.) Таким образом, акт фальсификации историка состоит в следующем: антитеза взрывного и предсказуемого агрессивно заменяется понятиями быстрого (энергичного) и медленного (постепенного) (ЛОТМАН 1992: 246).

³ Вспомним здесь строки из стихотворения Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...» (1865): «Невозмутимый строй во всем, / Созвучье полное в природе, – / Лишь в нашей призрачной свободе / Разлад мы с нею сознаем. // Откуда, как разлад возник? / И отчего же в общем хоре / Душа не то поет, что море, / И ропщет мыслящий тростник?»

Иначе говоря, историк в глазах позднего Лотмана всеми силами старается аннулировать эффекты взрыва...

Получается довольно сложная ситуация, в которой первичная реальность взрыва «редактируется» моделирующим сознанием и памятью. А именно: то, что произошло, обретает в сознании «новое бытие», поскольку случайность и непредсказуемость заменяются (подменяются!) закономерностью и причинно-следственными связями. Лотман по этому поводу пишет: «Трансформация, которую переживает реальный момент взрыва, будучи пропущен через отборную решетку моделирующего сознания, превращая случайное в закономерное, еще не завершает процесс сознания. В механизм подключается память, которая позволяет вновь вернуться к моменту, предшествовавшему взрыву, и еще раз, уже ретроспективно, разыграть весь процесс. Теперь в сознании будут как бы три пласта: момент первичного взрыва, момент его редактирования в механизмах сознания и момент нового удвоения их уже в структуре памяти. Последний пласт представляет собой основу механизма искусства» (ЛОТМАН 1992: 232).

Исторический процесс видится Лотману как эксперимент, но не как наглядный опыт учителя физики (педагога), который заранее знает результат, а как эксперимент ученого (исследователя), который хочет обнаружить еще неизвестные закономерности (ЛОТМАН 1992: 29). Отрицая телеологичность (целенаправленность) истории, Лотман скептически относится к ретроспективно-вторичному уму историков, которые интерпретируют события, «глядя назад». Но самый большой вред работы историков состоит в том, что сам их подход, основанный на воспроизведении реальных событий в памяти и сознании, *деформирует материал*: «Реальность меняется в зависимости от того, с какой точки зрения мы на нее глядим. Глядя из настоящего в прошлое, мы видим единственную цепь совершившихся событий, глядя в будущее, мы выделяем в этом настоящем пучок равновероятных возможностей» (ЛОТМАН 2010: 47–48). Здесь нетрудно заметить, что историографическая аксиома «Реальность меняется в зависимости от того, с какой временной точки мы на нее смотрим» вполне согласна с важнейшей аксиомой квантовой механики: познавательный объект («реальность») существенным образом зависит от субъекта познания и его исследовательских процедур. Поэтому можно думать, что Лотман не соглашался с положениями квантовой механики...

На другом месте Лотман свою концепцию истории противопоставляет гегелевской. Семиотик отмечает, что в гегелевской концепции нет случайности и что события будущего втайне содержатся в событиях прошлого. История в таком понимании представляет собой эсхатологический миф, поскольку все движется к конечной, пред-положенной цели. Лотман же предлагает модель, в которой «непредсказуемость вневременного взрыва постоянно трансформируется в сознании людей в предсказуемость

порождаемой им динамики и обратно». В такой концепции исторического развития, как мы уже видели, «Господа великого педагога» заменяет «образ творца-экспериментатора, поставившего великий эксперимент, результаты которого для него самого неожиданны и непредсказуемы» (ЛОТМАН 1992: 246–247).

В данном контексте стоит поставить вопрос о смысле (причинах) ретроспекции. Сам Лотман пишет, что «причины, побуждающие культуру воссоздавать свое собственное прошлое, сложны и многообразны» (ЛОТМАН 1992: 196). Но если у историков есть, кроме желания извращать факты, фальсифицировать действительность и манипулировать историей, и другие исследовательские мотивы, напр., любознательность, жажда познания, поиск идентитета, реконструкция происшедшего, исправление ошибок, то тогда при оценке их деятельности надо учитывать и мотивировки такого рода... В конце концов, разве потребность людей в объяснении и осмыслении совокупной реальности, в том числе и феноменов прошлого, не является антропологической универсалией, т. е. одним из существенных определений человека как человека?

Особенно интригующим кажется вопрос о нереализованных в истории возможностях. Когда Лотман утверждает, что реализация одной потенции «может быть охарактеризована как нереализация целого набора других» (ЛОТМАН 1992: 94), он варьирует известное высказывание Спинозы: „*Omnis determinatio est negatio*“. Дело в том, что традиционная история – это история реализованных событий, а не история того, что не реализовано. Кроется ли в таком положении дел какая-нибудь закономерность? Мы уже видели, что в момент взрыва реализованные и нереализованные события считаются вариантами, которые могут заменять друг друга (ЛОТМАН 2010: 163). При этом нереализованные возможности превращаются для пост-взрывного сознания в «фатально» невозможные, т. е. «в такие, какие фатально не могли реализоваться» (ЛОТМАН 1992: 194–195). Поэтому ученый-семиотик предлагает изучать и «потерянные дороги», т. е. «не только то, что произошло, но и то, что не произошло, но могло бы произойти» (ЛОТМАН 1992: 98). Если бы и была разработана научно-исследовательская методология такого рода, она бы, наверно, в историографии открыла пространство дурной бесконечности, потому что число возможных, но нереализованных событий и историй было бы неограниченным. Реальность, может быть, «выбирает» только одну из множества реальных возможностей именно для того, чтобы избежать дурной бесконечности...⁴

⁴ В данном контексте было бы полезно различать, с одной стороны, *нереализованные возможности, которые нереальны (невозможны)* и, с другой стороны, *нереализованные возможности, которые реальны (возможны)*; проще: *нереализованное нереальное* и *нереализованное реальное*. Дело в том, что история реали-

Когда же речь идет о соотношении «эпох непредсказуемости» (взрыва) и «эпох предсказуемости» (постепенного развития), возникает еще одна интригующая проблема. Дело в том, что указанные два состояния культуры, по идее, сменяют друг друга (чередуются), но они могут в культурно-историческом пространстве существовать и синхронно (симультанно): «Последовательная цепь взрывов и постепенных развитий в реальности никогда не существует изолированно. Она погружена в пучки синхронных с ней процессов, и эти боковые влияния, постоянно вмешиваясь, могут нарушать четкую картину чередований взрывов и постепенностей. Однако это не мешает теоретически рассматривать изолированно эту последовательную цепь. Особенно ясно она проявляется в социальных и исторических процессах» (ЛОТМАН 1992: 99–100). Проблема может быть сформулирована так: если взрывы и постепенные процессы существуют синхронно (симультанно) в рамках одного и того же культурного пространства, то как, и почему, формируется прямое (направленное, необратимое) движение культуры – в виде «стрелы времени»? В теории хаоса (теории *нелинейных* динамических систем), именно «боковые влияния» играют ключевую роль в процессах, не позволяя предсказать состояние системы в будущем. Такая ситуация тем более характерна для историко-культурных процессов, которые разворачиваются под влиянием множества непредсказуемых факторов человеческого поведения. Все это значит, что культура на самом деле представляет собой нелинейную динамическую систему и что лотмановскую концепцию взрыва полезно было бы дополнить достижениями теории хаоса.

5. Взрыв и будущее

Несмотря на то, что взрыв в себе представляет нечто непредсказуемое, «вырванное из времени» (до-временное), он, тем не менее, не может быть ни осознан, ни понят вне времени/истории. Дело в том, что, как кажется, взрыв не может стать *нормой истории*. Надо согласиться с Пьером Бурдьё, когда он в своей книге «Наука о науке и рефлексивность» утверждает, что в условиях «радикальной революции» (в нашем случае «взрыва») ставятся под сомнение сами принципы, во имя которых такая

зованных событий (реализованная история), осуществляя только одну из реальных возможностей, по-своему легитимизирует (экзистенциально «оправдывает») не только собственную реализацию, но и нереализацию всех других реальных и, тем более, нереальных возможностей. Важно отметить, что «потерянные дороги» истории, понятия как нереализация реально возможных событий, таким аргументом не обладают... Размышления о реализованной и нереализованной истории не помогают ответить на вопрос всех вопросов: «Почему вообще есть Нечто, а не Ничто?», но не надо забывать, что подобный вопрос можно поставить только с позиции Нечто, а никак не с позиции Ничто.

революция могла бы быть оценена (ср. BOURDIEU 2014: 30–31). Эту мысль можно понять следующим образом: не постепенные процессы оцениваются взрывом, а наоборот, взрыв оценивается постепенными процессами.

Напряженность, которая наблюдается в отношении взрыва и постепенности, следующей за ним, состоит в том, что с точки зрения традиции *возникновение взрыва непредсказуемо*, но взрыв, тем не менее, *должен произойти*. Инерция замедленности, которая характерна для «замкнутой последовательности» (где замедленная динамика порождает образы статики, а эти образы статики в свою очередь замедляют динамичность жизни), указывает на то, что приближается неизбежность взрыва (ЛОТМАН 2010: 162–163). Можно даже говорить о своего рода *предчувствии взрыва*: «эпоха перед взрывом уже освещалась его загорающимся светом» (ЛОТМАН 1992: 101). В связи с этим Борис Егоров отмечает, что в концепции Лотмана «взрыв предполагает усиление временного вектора, направленного вперед, в будущее» (ЕГОРОВ 2010: 214–215). При этом и сам взрыв должен быть подготовлен всей предшествующей ему эпохой постепенности и замедленности. Если же принять представление о будущем как о процессе увеличения информации (ср. ИВАНОВ 2010: 13), то из такого предположения следует парадоксальный вывод: большая информация порождает большую непредсказуемость. Иначе говоря, факт превращения взрыва в постепенность, случайности в фатальность, сингулярности в Космос, и наоборот, остается пока для теоретического ума непреодолимым препятствием.

Литература

- ЕГОРОВ 2010 = ЕГОРОВ Б.Ф. Три последние книги Ю.М. Лотмана как трилогия-завещание // Ю.М. Лотман, Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн, 2010. 207–219.
- ИВАНОВ 2010 = ИВАНОВ Вяч. Вс. Предисловие // Ю.М. Лотман, Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн, 2010. 11–18.
- ЛОТМАН 1992 = ЛОТМАН Ю.М. Культура и взрыв. Москва, 1992.
- ЛОТМАН 2010 = ЛОТМАН Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн, 2010.
- ПРИГОЖИН 1991 = ПРИГОЖИН И. Философия нестабильности // Вопросы философии, 1991. №. 6. 46–52.
- РОЗЕНТАЛЬ 1972 = РОЗЕНТАЛЬ М.М. (ред.). Философский словарь. Москва, 1972.
- СПИРКИН 1983 = СПИРКИН А.Г. Переход количественных изменений в качественные // Философский энциклопедический словарь. Москва, 1983. 488.
- УЖАРЕВИЧ 2016 = УЖАРЕВИЧ Й. Смеховой взрыв – имплозия анекдота // Н.В. Злыднева (отв. ред.), П.В. Королькова, Е.Я. Яблоков (ред.), Категория взрыва в текстах славянской культуры. Москва, 2016. 8–24.

- BOURDIEU 2014 = BOURDIEU P. Znanost o znanosti i refleksivnosti. Zagreb, 2014. Preveo i pogovor napisao Rade Kalanj.
- KUHN 2013 = KUHN Th.S. Struktura znanstvenih revolucija. Zagreb, 2013. Prevela Mirna Zelić.
- UŽAREVIĆ 1984 = UŽAREVIĆ J. Inkompatibilnost // A. Flaker i D. Ugrešić (ur.). Pojmovnik ruske avangarda 2. Zagreb, 1984. 49–65.

Explosion and Time. The article discusses the interrelations between an explosion and time in the latest books by Yuri Lotman. The composition of the article is based on two initial perspectives: one focuses on *time in an explosion* (present tense), and the second focuses on *an explosion in time* (past and future tense, history). Modern theory is unable to logically connect the explosion itself with the phase immediately preceding the explosion, as well as with the phase that follows immediately after the explosion.

Keywords: explosion, time, present, history, future